

УДК 101.8: 316

А.Г. Карабаева, Р.М. Сарсембаев

Когнитивные аспекты понятия «частного языка» в современной философии языка

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы

Аннотация. В данной статье осуществляется общий анализ понятия «частного языка». В ходе рассмотрения определяется характеристика понятия «частного языка», как когнитивный феномен. В области исследования был использован сравнительный методологический анализ. Понятие частного языка было рассмотрено в двух направлениях, как частная форма языковых структур или относящегося к чувствованию, как своему референту. По итогам исследования было установлено, что понятие «частного языка» является философской абстракцией, воссозданной в условиях мысленного эксперимента. Он невозможен в полноценной коммуникативной среде. Этому свидетельствуют обосновывающие логические аргументы, представленные в данной статье.

Ключевые слова: аналитическая философия, язык, частный язык, семантика, понимание.

Обсуждение понятия «частного языка» применительно к аналитической философии Людвиг Витгенштейна часто осложняется тем фактом, что сам Витгенштейн не дал точного определения этому важному позитивистскому термину. Частный язык, утверждал Витгенштейн, принадлежит к кругу фактов, методика подхода к которым определена в финальном выводе «Логико-философского трактата»: «...о чем невозможно говорить, о том следует молчать» [1, с. 181]. «Частный язык», таким образом, относится самим Витгенштейном к области знаменующих, а не объясняемых явлений. Тем не менее «логика должна сама о себе заботиться» [1, с. 75], и, в отсутствие определения понятия, мы имеем возможность обратиться к его субстантивным сопутствиям и формальным ограничениям, что позволит ответить на вопрос об относимости «частного языка» – относится ли он исключительно к своему надмножеству (языку, – как это предполагается большинством современных философов) или же частный язык может относиться к самому чувствованию (обозначаемому) как к своему референту.

В первую очередь, следует определить, применимы ли к разработке частного языка техники семантики и экстенциональной логики, если частный язык не контрагирует основополагающее для этих дисциплин понятие истинности высказывания. Для начала отметим, что философская идея частного языка результирует из такой логической конструкции: «...никто никогда

не знает, что другой человек испытывает боль или головокружение или любое другое ощущение, поскольку любое чувствование частно до того уровня, на котором никто не может ощутить (ознакомиться, получить опытным путем) чувствование другого» [2, с. 182]. Заключение этого аргумента ведет к тому, что никого нельзя научить именно пониманию чувства, и каждый должен производить (и производит) собственную понятийную сумму для каждого слова, обозначающего некое сенситивное направление. Иными словами, никто не может научить другого именно значению чувствования, поскольку для этого необходимо сначала узнать термины и пространственно-временные границы уже сложившегося у другого образа, а для того, чтобы выяснить эти термины, необходимо хотя бы частичное понимание того, какое чувствование через них подразумевается. Итак, идея частного языка состоит в том, что каждое отдельное слово или высказывание в отношении чувства не имеет практического, коммуникативного, социального смыслов, будучи, в каждом отдельном случае, исключительным выражением понятного лишь говорящему смысла на собственном, частном, языке говорящего.

В «Философских исследованиях» Витгенштейн задается вопросом: можно ли вообразить язык, слова которого понятны лишь говорящему в данный момент и обозначают его сиюминутные частные переживания? Этот язык был бы противопоставлен даже «монологической речи»

(теоретически доступной для перевода и толкования) и был бы полностью непонятен любому человеку, кроме говорящего на данном языке в данный момент. Такой язык непредставим без понимания явлений частности – и уже в пунктах «Философских исследований» демонстрируется глобальная размытость «частности», ее внутренние логические противоречия в вопросах притворства, отрицаемости и тождественности (последняя, отмечает Витгенштейн, «определяется не путем выразительного акцентирования слова «этот» такое акцентирование лишь затемняет то, что такой критерий нам известен, но о нем нужно напоминать» [3, с. 191]). Можно заключить, что частный язык возможен лишь в отрыве от сопутствующих высказыванию неязыковых проявлений, если мы откажемся от рассмотрения поведения как реального способа выражения чувства: «...допустим, у меня нет никаких естественных проявлений ощущения, а есть только само ощущение <...> я просто ассоциирую имена с ощущениями и пользуюсь ими при описании» [3, с. 167].

Сторонниками практической возможности существования частного языка (среди которых, в частности, Джордж Питчер, Альфред Айер и Карлос Кастанеда) было выдвинуто два возражения витгенштейновскому выведению о теоретичности частного языка: во-первых, при признании частного характера чувствований и непроверяемости факта существования словарного набора терминов, пригодных для выражения переживаний, идея частного языка является приложимой без чисто мыслительного отказа от «языковой игры» (отметим, что понятие языковой игры мы рассматриваем в рамках концепции Карла-Отто Апеля, скорректировавшего исходные предпосылки Витгенштейна в пользу большей универсальности понятия языковой игры в противоположность множественности языковых игр у Витгенштейна: по Витгенштейну, значения понятий возникают в ходе языковой игры, следовательно, общепринятые значения подразумевают наличие некоторого социального консенсуса, то есть общей, развернутой на общественном уровне языковой игры). С другой стороны, раз чувства частны, а Витгенштейн отрицает возможность практического именованья частностей, то и обычный язык, возражают Витгенштейну, не может содержать полноценного номинального

обозначения чувства, «личное ощущение не является частью языковой игры». Однако исследователь философии Витгенштейна Джон Кук опровергает эти контраргументы, указывая на то, что тезис «никто не может чувствовать за другого» не подразумевает невозможности понимания сущности чувствования другого. Кук приводит следующую аналогию: никто не может иметь чужой тени, но следует ли из этого, что никто не может ничего знать о чужой тени? [4, р. 515].

Однако допущения для исходной предпосылки возражения Витгенштейну можно продлить, заявив, что подлинным знанием, пониманием чужого чувствования не может считаться обобщенная тождественность, лишь непосредственное переживание чужого чувствования позволит доказательно утверждать понимание; однако такое переживание невозможно. Разумеется, такое дополнение значительно углубляет и проясняет исходный тезис, тем не менее, и оно не может считаться серьезным аргументом против витгенштейновского отрицания практической воплощенности частного языка – знание как таковое («знать чужое чувство») есть объективная наработка субъекта, в то время как чувствование есть до-понятие, не подразумевающее «знания», и, следовательно, получающее соответствующее положение относительно языка – или, по Витгенштейну, выражение «я знаю, что я чувствую боль» есть бессмысленный плеоназм выражения «я чувствую боль», поскольку чувствование в данном случае не нуждается в дополнительном познавательном аппарате, что в языке выражается как ненужность пояснения своей опытной разработки чувствования. Следовательно, языковая игра позволяет донести чувствование в обобщенном виде без дополнительного дознания.

Впрочем, и этот аргумент не ставит точку в попытках опровергнуть тезис Витгенштейна, поскольку положение о практической допустимости частного языка может получить третье допущение-дополнение: раз тот, кто испытывает ощущение, вместе с этим познает экзистенцию чувствования, то единственным полноценным знанием чувствования следует считать само это чувствование в его проявлениях (проще говоря, само ощущение). Итак, некто знает боль, потому что чувствует ее, и, соответственно, если он хочет, чтобы кто-то другой узнал его боль, то он должен заставить другого также ее почувство-

вать. Глубоким дефектом этой логической конструкции является отождествление «знания» первого типа (как чувствования) и «знания» как познания, коммуникативной передачи информации. Отметим, что то же «знание» отмечено в основном тезисе сторонников практического частного языка – «никто никогда не знает...». Для прояснения сути дефекта такого отождествления вернемся к рассмотрению отношения «знания» к «чувствованию». В первую очередь отметим, что «я знаю» в данном контексте относится исключительно к области уверенности говорящего в точности высказывания. Практическая контекстуализация позволит понять, что этот оборот используется в случае неуверенности реципиента в верности сказанного: и в области ощущения эта схема остается полностью пригодной, ср.: «...нельзя сказать, что другие узнают о моих ощущениях только по моему поведению, так как и обо мне нельзя сказать, что я знаю свои ощущения, – они просто у меня есть. Верно то, что о других людях имеет смысл говорить, что они сомневаются, ощущаю ли я боль, говорить же это о себе бессмысленно» [3, с. 168]. Итак, не существует ситуации, в которой имело бы смысл добавлять «я знаю» к «мне больно» для уточнения уверенности говорящего в своих словах, и вообще применительно к сфере личного сиюминутного чувствования бессмысленны термины незнания и знания, сомнения и уверенности (впрочем, существуют явления коррекции относительно притворства и диагноза – но мы не будем на них останавливаться, поскольку их специфическое значение не относится к отстаиваемой нами в данный момент позиции).

Рассмотрим также основополагающую формулу антивитгенштейновского «субъективизма», – «никто не может ощутить чувствование другого». Эта невозможность постулируется как логическая, например, у Бертрانا Рассела: «...чувствования и образы памяти не могут быть, даже теоретически, ощущаемы и наблюдаемы кем-то извне» [5, р. 8]. Толкование этого утверждения происходит, обычно, в двух направлениях: с одной стороны, из этого тезиса вытекает, что такие фразы, как, например, «я почувствовал его боль» или «он чувствует мое головокружение» бессмысленны, с другой же, можно считать, что отрицание негативной посылки в данном случае дает обязательную истину, например, без-

альтернативно истинным следует признать такое положение, как «любая чувствуемая мною боль – моя собственная». В качестве уточнения сторонниками реального частного языка приводится возможное бытовое использование фраз, обозначенных бессмысленными: «невозможно в буквальном смысле почувствовать чужую боль» [6, р. 43], – пишет Альфред Айер. Таким образом, сторонники подобного подхода заранее ставят себя в уязвимое положение, признавая тезис бессмысленным и одновременно подразумевая в нем некий буквальный смысл. Интересно, что Витгенштейн предвидел возможность появления подобного логически порочного подхода: «...если сказано, что предложение бессмысленно, это не означает, будто речь идет о бессмысленности его смысла. Дело в другом: при этом исключается из языка, изымается из обращения некое сочетание слов» [3, с. 210].

Конечно, помимо этого подхода, возможно и рабочее принятие только одной из посылок (либо «я чувствую его боль» – бессмысленно, либо «всякая боль, которую я чувствую, – моя»), а не обеих сразу. Однако и сторонники первого тезиса находятся в контекстуально сложном положении, поскольку «бессмысленность» утверждения принимается ими лишь после некоторых манипуляций с ситуационностью и контекстами: бессмысленно не «я чувствую его боль» само по себе, но «я чувствую его боль» с заданными, циркумстрированными и вписанными в нужную стратегию определениями «чувствования» и «боли». Джон Кук добавляет: «...что может означать извлечение слова вместе с контекстом из его естественной среды с последующим его перенесением в предложение, в котором единственное допустимое применение этого слова – грамматическое? К сожалению, многие философы действительно находятся под властью того впечатления, будто таким образом переносится некое отвлеченное значение слова» [4, р. 520]. Действительно, из постулата «чувствования – частны» никоим образом не следует, что «никто не может ощутить чувствование другого». Витгенштейн утверждает, что даже для того, чтобы верно встроить во фразы оборот «его боль» необходимо для начала понимать, о ком и о чем идет речь: ««У другого не может быть моих болей?» А какие боли – мои?» [3, с. 168]. Добавим, что ответ «все боли, которые я испытываю, – мои»

почти ничего не меняет в риторическом вопросе Витгенштейна, лишь смещая акцент с «мои» на «какие».

Таким образом, аргумент к частности чувствования не является последним доводом в доказательстве невозможности разделения одного чувствования на нескольких персон – раз так, то и именное значение чувствования может быть привнесено в персону, научно – теми, кто узнал ощущения этой персоны (что, вопреки вышеприведенным утверждениям, всё же возможно). Следовательно, чувствование может быть передано через общий язык. Следовательно, частный язык, как и утверждал Витгенштейн, не является квазикоммуникативной данностью, хотя и может быть теоретически реконструирован в экспериментальных условиях «чистого языка».

Для того чтобы рассмотреть гносеологические возражения сторонников частности языка в полной мере, упомянем также, что некоторыми из них уже проанализированное нами возражение о частности чувствования ставится исключительно через вопрос о тождественности переживания: можно ли считать чувствование одним и тем же у разных персон? Можно сказать, что это мнимое противоречие преодолевается путем введения понятия общности явлений, или категоризации. – «Могу ли я представить «каждый отрезок имеет длину»? Нет, я представляю только некоторый отрезок» [3, с. 168], – говорит Витгенштейн. Обратив это утверждение, можно заявить, что идентичность не существует в простом и чистом виде, она понимается и чувствуется только и исключительно через некий общий термин, генеральную общность категорий. Кук доказывает, кроме того, что идентификация образов не может происходить по физической методике: так, фраза «он того же роста, что и я» логически корректна, однако если пользоваться методикой таких философов, как Айер, то подобное положение становится иррациональным, поскольку категория размера в этой схеме глубоко индивидуализируется, и, соответственно, если нечто имеет один размер, то оно относится только само к себе и не может быть двумя объектами. Со всей очевидностью, подобные выведения можно считать редукцией *ad absurdum*, поскольку они противоречат устройству реальной данности и основополагающему правилу Органона «невозможно, чтобы одно и

то же в одно и то же время и было, и не было» (два объекта видятся как один, объединяясь на основании только одной из своих категорий): «...поскольку высказывание о том, что у меня такая же боль, как у него, имеет смысл, то и возможно, что мы оба испытываем одинаковую боль» [3, 169].

Итак, суммируем данные, полученные нами в ходе критического анализа: во-первых, частный характер чувствований не может быть аргументом в пользу их несравнимости, поскольку генеральные общности между ними, – данные в языке, языковой игре и сопутствующих языку явлениях, – позволяют если не отождествлять чувствования, то, по крайней мере, параллелизировать их; во-вторых, знание и чувствование с критерием относительности есть различные аспекты опыта и потому не отождествимы; в-третьих, методика извлечения слова вместе с его контекстом не может приносить удовлетворительных результатов – потому понятие «знание» относительно первого лица в языке нельзя переносить на знание относительно иного лица; в-четвертых, учитывая, что положение не может быть одновременно бессмысленным и имеющим буквальный смысл, доказательство невозможности существования общего языка от Альфреда Айера следует отвергнуть; в-пятых, невозможно полностью отождествлять чувствования одновременно с их резким разграничением на субъекты, поскольку это приводит к категориальному упразднению множества субъектов, то есть к логической ошибке.

Из всего этого можно заключить, что частный язык, в полном согласии с концепцией Витгенштейна, является философской абстракцией, воссозданной в условиях мысленного эксперимента, он невозможен в полноценной коммуникативной среде, и, следовательно, любой практически приложимый язык является общим. «Аргументы» философско-языковых «приватистов», как это обычно бывает с течениями субъективистов, в результате можно сгруппировать в целую ячейку логически порочных утверждений под общим названием *argumenta ad somnos*, в согласии со словами Канта: «...Аристотель где-то говорит: «Когда мы бодрствуем, мы имеем общий для всех мир, а когда грезим, каждый имеет свой собственный мир». Мне кажется, что вторую половину высказывания можно перевернуть

так: если различные люди имеют каждый свой собственный мир, то есть основания предполагать, что они грезят» [7, с. 320].

Литература

- 1 Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. – М.: АСТ, 2010. – 192 с.
- 2 Витгенштейн Л. Философские работы.

Феноменология. Герменевтика. Философия языка. – М.: Гнозис, 1994. – 257 с.

3 Витгенштейн Л. Философские исследования. – М.: АСТ, 2011. – 352 с.

4 Cook, J. Wittgenstein on privacy / The Philosophy of Language. – Oxford University Press, 1996. – 578 p.

5 Russell, B. The problems of philosophy. – London: Plain Label Books, 1976. – 161.

Алия Қарабаева, Руслан Сарсембаев

Қазіргі заман тіл философиясындағы «жеке тіл» ұғымының когнитивті аспектілері

Бұл мақалада «жеке тіл» ұғымына жалпы анализ жүргізіледі. Қарастыру барысында «жеке тіл» ұғымының когнитивті феномен ретіндегі сипаттамасы анықталады. Зерттеу аймағында салыстырмалы методологиялық анализ қолданылады. «Жеке тіл» ұғымын зерттеу екі бағытта жүргізіледі: тіл құрылымының жеке формасы ретінде немесе өзінің референті болып келетін сезімдік ретінде. Зерттеу барысының аяғында «жеке тіл» ұғымының философиялық абстракция екендігі және оның ойлау экспериментінде қалыптасқандығы анықталды. Ол толық мәнде коммуникативті ортада болу мүмкін емес. Бұған себеп мақалада келтірілген логикалық аргументтерді айтуға болады.

Alia Karabaeva, Ruslan Sarsembayev

Cognitive aspects of the concept of “private language” in contemporary philosophy of language

This article is an overview of the concept of «private language». During the consideration is determined by the characteristics of the concept of «private language» as a cognitive phenomenon. In the study used a comparative methodological analysis. The notion of private language was considered in two ways, as a special form of language structures, or related to feeling like its referent. The study found that the concept of «private language» is a philosophical abstraction, re-created in a thought experiment. It is not possible to complete a communicative medium. This indicates justify logical arguments presented in this paper.